

Научная статья
УДК 81-11
doi: 10.17223/19986645/94/5

Что можно и что нельзя выразить на метаязыке А. Вежбицкой?

Вадим Викторович Дементьев¹

¹ *Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия, dementevv@yandex.ru*

Аннотация. В статье предлагается общесемиотический подход к теоретическому и практическому осмыслению возможностей и границ семантического метаязыка А. Вежбицкой. Данный подход позволяет, с одной стороны, более эффективно использовать МВ, с другой – уточнить семиотическую природу языковых и речевых единиц, описываемых через посредство МВ. Обсуждая применимость МВ к знакам и знаковым системам в классификации А. Соломоника, автор приходит к выводу, что описанию через МВ подлежат знаки третьего и четвертого типа систем, отчасти второго типа (образные), не подлежат – первого и пятого.

Ключевые слова: метаязык, А. Вежбицкая, А. Соломоник, семиотика, маркированность

Для цитирования: Дементьев В.В. Что можно и что нельзя выразить на метаязыке А. Вежбицкой? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 94. С. 92–107. doi: 10.17223/19986645/94/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/94/5

What can and cannot be expressed in the metalanguage of Anna Wierzbicka?

Vadim V. Dementyev¹

¹ *Saratov State University, Saratov, Russian Federation, dementevv@yandex.ru*

Abstract. The article proposes a general semiotic approach to the theoretical and practical understanding of the possibilities and limits of the semantic metalanguage of Anna Wierzbicka (MW). According to the author, this approach allows, on the one hand, using MW more effectively, and, on the other hand, clarifying the semiotic nature of linguistic and speech units described through MW. For this purpose, firstly, the possibilities of MW are discussed: it is shown that it can be successfully used and is already used in linguistic research when describing unique (non-equivalent, nationally specific) units, when developing practical recommendations (manuals, guidelines) on etiquette, etc. Secondly, three main obstacles to the use of MW for describing linguistic and speech phenomena are identified: (1) in different languages, the oppositions of marked and unmarked units do not coincide; (2) words and expressions that are not semantic primitives according to Wierzbicka are used as semantic primitives in the formulations; (3) sign phenomena of different semiotic natures, related to different

types of sign systems, are found among linguistic and especially speech/text units. MW, which has proven itself well in interpreting some types of signs, turns out to be fundamentally incompatible with others (for example, formal codes like mathematical ones). Discussing the applicability of MW to signs and sign systems in Abraham Solomonik's classification (five types/stages), the author comes to the conclusion that signs of the second, third and fourth types of systems can be described through MW, but the first and fifth cannot. The situation is more complicated with the fourth type: on the one hand, written texts are often "translated" into MW; on the other hand, the actual rules of writing cannot be described in MW.

Keywords: metalanguage, Anna Wierzbicka, Abraham Solomonik, semiotics, markedness

For citation: Dementyev, V.V. (2025) What can and cannot be expressed in the metalanguage of Anna Wierzbicka? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 94. pp. 92–107. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/94/5

Проблему описания языкового и речевого содержания через посредство семантического метаязыка А. Вежбицкой (далее – МВ) принято считать метаязыковой и лингвосемиотической. Мы полагаем, что для уточнения возможностей и границ МВ полезен общий семиотический взгляд – выделение среди описываемых языковых и речевых единиц феноменов разной семиотической природы, для описания которых МВ пригоден в разной степени.

МВ и его обсуждение в лингвистике

А. Вежбицкая считает главными достоинствами своего метаязыка его универсальность, применимость не только к разным языкам, но и к разным уровням языка и речи: не только к языковой семантике, но и к речевой прагматике, шире – к культурным, коммуникативным и языковым феноменам высоких уровней – национально-культурным сценариям [1–18].

Подход Вежбицкой активно и успешно используется в качестве метаязыка описания во многих направлениях современных лингвистических (особенно сопоставительных) исследований: лексико-семантических, грамматических, прагматических, лингвокультурологических и лингвокогнитивных.

Общая для объяснения чрезвычайно многообразных культурно-языковых феноменов теоретическая плоскость и общий метаязык описания – оригинальный, «самопонятный» и в идеале преодолевающий этноцентризм – безусловное достоинство данных исследований, которым, к сожалению, не могут похвалиться многие другие исследования в рамках данной или близких предметных областей. В то же время именно названная особенность объективно несколько мешает объединить достижения Вежбицкой с достижениями других исследователей, пользующихся более традиционными методиками и метаязыком описания. Некоторые положения теории Вежбицкой представляются небесспорными (начиная с конкретного набора семантических примитивов).

Как известно, подход А. Вежбицкой развивался из критики «несистемности», противоречивости традиционных лингвистических описаний, а также их этноцентризма. Не умаляя достижений А. Вежбицкой и ее последователей, описавших множество языковых, речевых, коммуникативных и культурных явлений в

нескольких десятках языков в терминологии семантических примитивов, отметим, что требования самопонятности и минимальности семантических примитивов, с одной стороны, и требование универсальности – с другой, в известной степени противоречат друг другу. При определении места того или иного явления в языке не может быть существенным, представлено ли данное явление за пределами данного языка, в других языках, и какую роль играет там, т. е. его универсальность или неуниверсальность. Преимущества описаний, осуществленных на метаязыке семантических примитивов, можно уподобить преимуществам литературы, которая была бы написана при помощи алфавита, состоящего только из самых простых в мире букв, причем простота написания автоматически приравнивалась бы к распространенности. Вряд ли можно считать дополнительным достоинством данного метода и то, что осуществленные таким способом описания будут-де понятны всему человечеству, любому наивному носителю любого языка, «любому папуасу»: увы, лингвисты не читают работ Вежицкой; для многих же лингвистов далеко не очевидно, почему определения лингвистических явлений через посредство примитивов «лучше», чем традиционные лингвистические и филологические определения.

Кроме того, у МВ есть границы – как субъективные, связанные с его неверным использованием, так и вполне объективные.

Проблемам МВ (и смежным проблемам, связанным с МВ) посвящали статьи многие исследователи.

Первые работы на эту тему в отечественной лингвистике появились еще в начале 1990-х гг., т. е. до перевода основных работ А. Вежицкой по МВ на русский язык [19].

Глубокий анализ возможностей МВ осуществил А.Д. Шмелев, который также был переводчиком многих статей А. Вежицкой на русский язык, например [20, 21].

В работе «Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры?» – предисловии А.Д. Шмелева к книге А. Вежицкой «Понимание культур через посредство ключевых слов» [20] – исследователь формулирует «пафос» МВ: «...в языке находят свое отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, то, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире, и соответствующие языковые единицы представляют собою “бесценные ключи” к пониманию этих аспектов культуры. <...> любой сколько угодно сложный и причудливый концепт, закодированный в той или иной языковой единице какого-либо из естественных языков, может быть представлен в виде определенной конфигурации элементарных смыслов, которые являются семантически неразложимыми и универсальными» [20. С. 8].

В работе «Взаимодействие языка и культуры: от словаря до языкового облика морально-религиозной проповеди» – предисловии к книге А. Вежицкой «Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики» [21] он еще более кратко и четко формулирует главное представление, в соответствии с которым «посредством ограниченного набора семантических элементов (универсальных, т. е. вербализуемых во всех естественных языках) можно выразить все разнообразие рожденных человечеством и дей: концепты, воплощенные в лексических единицах естественных языков, ценностные установки, специфичные для той или иной культуры, и даже иносказательно выраженные религиозные доктрины» (разрядка моя. – В.Д.) [21. С. 9].

См. также два выпуска «Russian Journal of Linguistics» (бывший «Вестник РУДН») 2018 г., посвященные юбилею А. Вежбицкой (где в основном статьи публиковались на английском) [22–26].

В этих работах у проблемы описания языкового и речевого содержания выделяется ряд аспектов, представляющихся значимыми для ответа на поставленный в названии статьи вопрос – что можно и что нельзя выразить на метаязыке А. Вежбицкой: логико-информационный, семантический, прагматический, национально-культурный (включая национально-культурные сценарии и ценностные системы), психологический.

На наш взгляд, недостаточно внимания уделяется семиотическому аспекту, точнее – общесемиотическому, которому и посвящена настоящая статья.

Возможности МВ

Попытаемся систематизировать возможности (достоинства, плюсы) МВ: для каких целей он может быть использован и уже успешно используется в лингвистических исследованиях:

– при описании уникальных (безэквивалентных, национально-специфических) единиц [27–29], прежде всего, лексических, но не только (сама А. Вежбицкая, как известно, использовала свой МВ для описания и лексической семантики, и грамматики, и прагматики, и жанров речи (по М.М. Бахтину), а также художественного творчества (притчи), политики (антитоталитарный язык), жестов и даже эпидемии ковида); при их сравнении с другими – неуникальными и универсальными, отсюда – для типологизации данных единиц: как известно, МВ широко используется как современной лексической типологией [30], так и вполне традиционной типологией [31];

– при разработке практических рекомендаций (пособий, руководств) по этикету (особенно вербальному, но и невербальному тоже) и официально-деловому стилю для служащих (особенно для аутсайдеров, но и для чиновников-аборигенов полезно): что точно означает тот или иной знак в той или иной ситуации, какие могут быть потенциальные опасности (выражение табуированного или оскорбительного содержания) и санкции, как избегать их [32–34];

– рекомендации экспертам-практикам: что может быть вычитано из тех или иных (официальных) текстов чиновников, начиная от инференционных, т.е. выводных, инсинуаций, диффамаций и угроз и заканчивая моральными нарушениями, неподсудными, но очень болезненными при обсуждении в СМИ и т.п. (ср. получившую известность фразу саратовской чиновницы «про макаронки»¹) (в использовании МВ для объяснения этикета и официального дискурса чиновников вообще много общего) [34, 35];

---

¹ Н. Соколова, занимавшая на тот момент пост министра занятости, труда и миграции Саратовской области, в октябре 2019 г. поспорила с депутатом региональной думы от КПРФ Н. Бондаренко о невозможности прожить, тратя на продукты 3,5 тысячи рублей

– для объяснения текстов (самых разнообразных по стилям и жанрам, в том числе естественным разговорным) на одном языке – носителям другого языка, т.е. исследователям-аутсайдерам (как собственно исследователям-лингвистам, так и «исследователям»-практикам, т.е. обычным носителям языка): элементы МВ используются в комментариях лингвистов-культурологов, эмигрантов, путешественников, в том числе объяснительных комментариях к практическим пособиям, разговорникам [36, 37];

– при решении ряда теоретических лингвистических вопросов, например универсалистского характера – собственно, примитивы и есть универсалии: их осмысление очень много дает и само по себе, и в сравнении с теми языковыми единицами, которые примитивами не являются, например, какие языковые единицы не нуждаются в толковании, какие – семантически неразложимы (и «добавление к ним чего» превращает их из примитивов в не-примитивы) [27, 38, 39];

– при решении ряда психологических проблем (скорее вопреки А. Вежбицкой, которая много полемизировала с психологами): при помощи МВ удобно комментировать скрытые конфликтогенные-синтонные семы в высказываниях на родном языке в ситуациях естественного общения (например, молодых родителей с их детьми), как это делал А.П. Егидес [40];

– при описании значений ряда невербальных знаков (прежде всего этикетных, но не только).

Границы МВ

Мы видим три главных препятствия у использования МВ для описания языковых и речевых феноменов.

Первое – то, что немаркированные единицы, вернее, оппозиции маркированных и немаркированных единиц не совпадают в разных языках. Как известно, на фонетическом уровне в оппозиции гласных *a* ~ *o* в русском языке немаркированной единицей является *a*, в венгерском – лабиальная *o*, что уж говорить о единицах более высоких уровней. Эта проблема хорошо известна, довольно активно обсуждалась [41–45], хотя, насколько нам известно, удовлетворительное решение не было найдено.

Отметим, что при сопоставительном изучении культур маркированные и немаркированные единицы в разных национальных культурах выходят на первый план и во многих случаях успешно преодолеваются именно с помощью МВ; но в тех случаях, когда задача сравнения не стоит, а набор немаркированных единиц в данной культуре отличается от «усредненного», или универсального, от МВ мало пользы. «Простота» определяется заданными системами координат: внутри

(примерная стоимость продуктовой корзины в регионе). Соколова утверждала, что этих денег хватит на еду, и добавила, что «макарошки всегда стоят одинаково». После того как скандал вышел на федеральный уровень, губернатор Валерий Радаев уволил Соколову за недопустимое поведение (<https://nversia.ru/news/skandal-s-makaroshkami-glavamintruda-rasskazal-chto-dumaet-o-chinovnikah-pozvolayuschih-takie-vyskazyvaniya/>).

системы явление воспринимается как простое, за пределами (а значит, и объективно) – как сложное и даже сверхсложное.

Мы столкнулись с этим, описывая коммуникативные ценности и непрямую коммуникацию в русской культуре через оппозицию личности ~ имперсональности ([P] ~ [-P]) [46].

Левому (главному) члену оппозиции присуща значительная содержательная сложность и многоаспектность (имплицитируются непосредственные отношения с миром без промежуточного социального института, связь с системой этических норм, личностные и психологические характеристики человека). Однако при этом именно он является немаркированным, т.е. подчеркнуто содержательно простым, его значение, с точки зрения универсального семантического метаязыка гораздо более сложное, в русском как раз обычно не эксплицируется, выступая как самопонятное, наоборот, с его помощью эксплицируются другие значения.

Такими являются в русской культуре национально-специфичные (даже ключевые) феномены: *истина, душа*, типы человеческих отношений (*общение, справедливость*), ситуации взаимодействия и жанры речи (*разговор по душам*). Распространенными являются выражения: *простые истины, простая душа (просто-душный), простой разговор по душам*¹.

Второе, не столь принципиальное, но реально осязаемое ограничение связано с неверным использованием МВ, прежде всего, когда в формулировках в качестве семантических примитивов используются слова и выражения, семантическими примитивами, по А. Вежбицкой, не являющиеся. В нашей практике встречались работы (в том числе диссертации), где в формулировках в качестве семантических примитивов использовались слова и выражения *прямой, косвенный, вежливый, грубый, формальный и неформальный, искренний, откровенный, доброжелательный, родной, дорогой, ироничный, агрессивный, светский, концертный, любовь, секс, флирт, игра, интернет-коммуникация* и даже *компьютерная игра, онлайн-трансляция, игровой стрим*.

Третье ограничение, которое представляется нам наиболее принципиальным, связано с тем, что среди языковых и особенно речевых / текстовых единиц встречаются знаковые феномены разной семиотической природы,

---

¹ Характеристика *просто / простой* применительно к русскому *разговору по душам* противоречива естественным образом, поскольку в высокой степени противоречив и сам по себе РпД: так, РпД может быть «простой» ~ и кому-то не по силам; с «простым» собеседником ~ и высокообразованным специалистом; со «своими», избранными ~ и с незнакомцем; может быть коротким ~ и длинным; расслабленным (релаксирующим), «легким» ~ и напряженным, «тяжелым»; может быть приятным, «лицеприятным», включать элементы лести ~ и жесткую критику; может привести к примирению ~ и к ссоре; может быть спокойным ~ и включать элементы спора (мужской РпД) или истерики (женский); обычно РпД не может состояться «по заказу» ~ и положительно оценивается РпД, проводимый (успешно) специалистами-психологами с психически больными или неуравновешенными людьми. Абсолютное большинство оценочных характеристик РпД, фиксируемых в примерах, положительные и ярко-положительные; в то же время есть и отрицательные характеристики [46. С. 115–189]. Надо полагать, при фиксации «простоты» у РпД вся эта остальная присущая ему противоречивость сохраняется, и употребляющим выражение *простой разговор по душам* это известно.

относящиеся к разным типам знаковых систем. МВ, хорошо себя показавший при толковании одних типов знаков, оказывается принципиально несовместим с другими (например, формальными кодами наподобие математических), что, конечно, не говорит о его несостоятельности.

Поскольку МВ разрабатывался для описания значений языковых единиц, т.е. з н а к о в , разных уровней, есть смысл рассмотреть разную семиотическую природу знаков, описываемых данным метаязыком. Сразу обращает на себя внимание тот факт, что МВ реально (и успешно) использовался для описания нескольких разных типов знаков (в том числе неязыковых), тогда как для описания других не использовался или использовался неуспешно.

Так, не поддается описанию на МВ:

– всё связанное с внешней, формальной стороной знаков, лишенной содержания / незначимой (это понятно: метаязык АВ именно с е м а н т и - ч е с к и й): фонетика (попробуйте-ка объяснить на МВ особенности английской фонетики, например межзубных согласных, неангличанам), графика и идеограммы, изображения в целом, кулинария (притом что пища – одна из наиболее национально-отличных вещей, попробуйте объяснить на МВ «любому папуасу», чем отличается вкус кари от вкуса чили);

– на практике часто и не лишенная содержания (т.е. являющаяся частью содержания) форма: прежде всего, художественные тексты (конечно, что-то можно объяснить на метаязыке А. Вежбицкой – она сама вполне успешно комментировала библейские притчи, но далеко не всё), конечно, неязыковое / несловесное искусство, живопись, музыка и т.п.;

– на практике – в с ё б о л ь ш о е и/или сверхсложное – от художественных текстов (попробуйте перевести на примитивы «Войну и мир») до тоже больших разговорных. Подчеркнем: поскольку мы говорим об описании больших, объемных, внутренне сильно неоднородных феноменов (текстов), может сложиться впечатление, что сложность эта чисто количественная (долго, утомительно), что, конечно, отчасти так и есть. Однако представляется, что сложность связана не только и не столько с этим (какая-нибудь современная компьютерная программа смогла бы легко и быстро справиться с таким заданием): сама природа сверхсложных систем, со значимыми внутренними противоречиями, «гармонией негармоничного», игрой (больших) композиций, плохо поддается такому «упрощению», какое составляет смысл МВ. С этим же, по-видимому, связано то, что невозможно описание на МВ индивидуального человеческого характера во всей полноте;

– неязыковые знаки, точнее, не все неязыковые, а знаки формальных кодов по А. Соломонику – см. ниже.

МВ и разные типы знаковых систем

Главной задачей использования МВ можно считать анализ и описание, а отсюда – п р е о д о л е н и е языковой с л о ж н о с т и . При этом природа языковой сложности, о которой идет речь, совершенно иная, чем,

например, в бытовой логике, естественно-научной, формальной (математической): языковая сложность в основном состоит в отличиях, «отступлениях» языка от этой формальной логики, невозможности свести все оттенки смыслов, закодированные в языковых / речевых единицах, к семиотическим смыслам, кодируемым в знаках и кодах формальных систем, которыми оперируют естественные логики.

Как известно, попытки свести «всю языковую сложность» к комбинациям формальных кодов, сопоставимых с математическими, активизировались в конце 1940-х гг. в связи с разработкой первых систем искусственного интеллекта. Особенно большую известность получила информационно-кодовая модель коммуникации К. Шеннона и У. Уивера [47] – ее издержкам и последующему преодолению посвящена глава нашей докторской диссертации [48. С. 62–68].

Воплощением подхода, отдающего приоритет информации, является информационно-кодовая модель коммуникации [47]. Это кибернетическая точка зрения на языковую коммуникацию как на одну лишь передачу информации (shared message) посредством кодирования и декодирования сообщений. Информационно-кодовая модель коммуникации исходит из того, что и говорящий (он же «отправитель»), и слушающий (он же «получатель») оба оснащены лингвистическими (де)кодирующими устройствами и мыслительными процессорами, хранящими и перерабатывающими «информацию» или «мысль».

Затрудненность смысловой интерпретации дискурса с помощью одной кодовой модели стала стимулом для разработки инференционной («выводной») модели коммуникации, истоков которой стоял Герберт Пол Грайс [49], и – особенно – интеракционной модели [50], которая в качестве главного принципа выдвигает взаимодействие, помещенное в социально-культурные условия конкретной ситуации. Интеракционная модель ставит во главу угла аспекты коммуникации как поведения, причем не только интенционального. Общение может состояться независимо от того, намерен ли говорящий вступать в общение, а также независимо от того, рассчитано ли высказывание на восприятие слушающим. Коммуникация осуществляется не в виде трансляции информации или манифестации намерения, а как демонстрация смыслов, необязательно предназначенных для распознавания и интерпретации реципиентом. Любая форма поведения – действие и бездействие, речь и молчание – в определенной ситуации может оказаться коммуникативно значимой. При этом важную роль играет активность воспринимающего «другого». Интерпретация смыслов представляет собой процесс гибкого коллективного осмысления социальной действительности, как психологическое или феноменологическое переживание общности (togetherness) интересов, действий и т. п. Этим обусловлена асимметрия интеракционной модели: порождение смыслов и их интерпретация отличаются как по способам осуществления этих операций, так и по типам участвующих в них форм когнитивного: реципиент может вывести смыслы, отличные от задуманных говорящим (подробнее см. в [48. С. 62–68]; см. также [51. С. 33–40]).

Необходимость в таких несимметричных моделях, как инференционная и – особенно – интеракционная, обусловлена принципиальной асимметрич-

ностью (сложносоставностью, многомерностью) содержания реальной коммуникации, которое складывается из многих совершенно разных информационных источников, знаковых сущностей разной природы. Возвращаясь к МВ, он, очевидно, принципиально неприменим к некоторым из них.

При выделении типов знаков и знаковых систем мы опираемся на известную семиотическую типологию А. Соломоника, который выделяет пять типов / стадий развития коммуникативных систем: естественные знаковые системы; образные знаковые системы; языковые знаковые системы; системы записи; кодовые системы. Именно в такой последовательности, по мнению А. Соломоника, эти системы кодирования реальной жизни появляются в онтогенетическом развитии человечества и в филогенезе отдельного индивидуума. При этом в основе всех особенностей знаковых систем лежит степень абстракции базисного знака и его «удаленности» от обозначаемого: естественным системам соответствует знак в виде материального реального предмета или явления (например, ярко-зеленая трава в определенных условиях может указывать на наличие в данном месте болота); образным системам соответствует образ (например, жесты, вывески, дорожные знаки); языковым системам – слово; системам записи – буква или иной аналогичный символ; кодовым системам – символ. Каждый тип знака отражает действительность особым образом: естественный знак – указывает; образ – отражает; слово – описывает; буква – фиксирует; символ – кодирует [52. С. 116–117].

Эволюция знаковых систем, по А. Соломоннику, состоит в повышении степени формализации, которую он понимает как повышение ригидности (жесткости) системы, проявляющиеся в следующих признаках: (1) ужесточение требований к правилам грамматики и метаязыка; (2) повышение строгости исполнения внутрисистемной логики; (3) знак такой системы становится все более автономным по отношению к своему обозначаемому и все более зависимым от системы в целом. Такой знак предлагается называть символом. Его точность, информационная плотность и однозначность значительно выше, чем у слова – знака естественного языка [52. С. 82]. Таким образом, следующей ступенью формализации содержания после естественного человеческого языка является формализованная кодовая система (такая, как математический код). Формализация в таком понимании всегда направлена от смыслов к значениям. Так, в формализованном языке математики есть только значения и нет смыслов. Математические знаки предельно абстрактные и точные, полностью независимые как от природы и особенностей описываемых явлений, так и от условий коммуникации. У адресата не может возникнуть вопроса типа «Что вы этим хотели сказать?».

Описанию через МВ, по-видимому, подлежат знаки третьего и четвертого типа / этапа систем (т.е. собственно язык: устный и письменный).

Однако МВ хорошо описывает и знаки второго типа (образные) (А. Вежбицкая сама описывала жесты: показала, что жесты-улыбки обладают универсальным смыслом, независимым от контекста и культурных языковых конвенций, что обуславливает их объединение в класс улыбок [53. Р. 590]).

Явно непригоден МВ для первого типа (попробуйте объяснить на МВ, чем отличается след волка от следа рыси) и пятого (попробуйте объяснить на МВ «любому папуасу» функцию квадратного многочлена).

Невозможность перевести на МВ («упростить») большинство математических и естественно-научных построений, нередко ставящая в тупик

неофитов, связана именно с этим. МВ вообще неприменим для анализа знаков систем, формализация которых превышает языковую.

Естественные знаки, строго говоря, вообще не знаки: нет конвенциональных значений.

Сложнее с четвертым типом: с одной стороны, на МВ часто «переводят» письменные тексты (А. Вежбицкая сама неоднократно делала это), с другой – собственно правила письма не поддаются описанию на МВ (попробуйте объяснить на МВ «любому папуасу», когда в русском языке наречия пишутся слитно (*вплотную*), когда раздельно (*в открытую*)).

Реальность такова, что общение на языке (речь, текст) сочетает знаки разных – всех! – типов. Так, знаки пятого типа присутствуют в системе наряду с многозначными словами, метафорами и т.п. по принципу, который Э. Бенвенист определил как сочетание в системе языка признаков знаковых систем семантического и семиотического типа [54. С. 88]. В реальной коммуникации всегда есть невербальные компоненты – знаки второго типа; а фоносемантика раскрывает значение в языке и речи и знаков первого типа.

По нашему мнению, общесемиотический подход, предложенный в настоящей статье, позволяет не только уточнить семиотическую природу языковых и речевых единиц, описываемых через посредство МВ, но и более эффективно использовать МВ: активно применять для описания тех семиотических феноменов, с которыми он совместим, с большой осторожностью применять к другим системам (таким как письмо) и не применять к третьим (естественным знакам, формальным кодам).

МВ неплохо работает для языковых систем (для них и создавался), а также для образных (на это, к сожалению, редко обращают внимание), а для трех остальных типов систем, по А. Соломонику, непригоден или пригоден крайне ограниченно, когда пытаются некритично применять МВ к ним, это приводит к неудаче.

Список источников

1. Вежбицка А. Введение к книге «Семантические примитивы» // Семиотика. М., 1983. С. 225–252.
2. Вежбицка А. Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 251–275.
3. Вежбицка А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус // Язык и структура знания / отв. ред. Р.М. Фрумкина. М., 1990. С. 45–73.
4. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1996. 416 с.
5. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 99–111.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. : Языки славянской культуры, 1999. 791 с. (Язык. Семиотика. Культура).
7. Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 112–133.
8. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М. : Языки славянских культур, 2001. 290 с.
9. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М. : Языки славянских культур, 2001. 272 с.

10. Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.
11. Вежбицкая А. Культурная обусловленность категорий «прямота» vs. «непрямота» // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003. С. 136–159.
12. Вежбицкая А. Универсальные семантические примитивы как ключ к лексической семантике (сфера эмоций) // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4. С. 156–182.
13. Вежбицкая А., Годдард К. Дискурс и культура // Жанры речи. Саратов : Колледж, 2002. Вып. 3. С. 118–156.
14. Wierzbicka A. Dociekania semantyczne (раздел «Problemy ekspresji. Ich miejsce w teorii semantycznej») // Z Dziejów Form Artystycznych w Literaturze Polskiej. T. XVII. Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1969. S. 33–61.
15. Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt/M. : Athenäum-Verl, 1972. 235 p.
16. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The semantics of human interaction. Berlin : Mouton de Gruyter, Incorporated, 1991. 515 p.
17. Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A semantic dictionary. Sydney : Academic Press, 1987. 367 p.
18. Wierzbicka A. In defense of ‘culture’. Theory and Psychology. Special issue on ‘culture’ / ed. by H.J. Stam. 2005. № 15 (4) P. 575–597.
19. Апресян Ю.Д. О языке толкований и семантических примитивах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53, № 4. С. 27–40.
20. Шмелев А.Д. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры? // Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 7–11.
21. Шмелев А.Д. Взаимодействие языка и культуры: от словаря до языкового облика морально-религиозной проповеди // Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001. С. 9–13.
22. Bartmiński J. In the Circle of Inspiration of Anna Wierzbicka: The Cognitive Definition – 30 Years Later // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (4). P. 749–769.
23. Zaluzniak A.A. The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22(4). P. 770–787.
24. Gladkova A.N., Larina T.V. Anna Wierzbicka, Words and the World // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (3). P. 499–520.
25. Mel’čuk I.A. Anna Wierzbicka, Semantic Decomposition, and the Meaning-Text Approach // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (3). P. 521–538.
26. Ионова С.В., Шаховский В.И. Проспекция лингвокультурологической теории эмоций Анны Вежбицкой // Russian Journal of Linguistics. 2018. № 22 (4). P. 966–987.
27. Лобковская Л.П. Проблема поиска универсального семантического метаязыка // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 3 (105). С. 129–132.
28. Рябова М.Ю. Национальный язык и культура как объекты лингвокультурологии // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 197–205.
29. Кошелев А.Д. Об основных парадигмах изучения естественного языка в свете современных данных когнитивной психологии // Вопросы языкознания. 2008. № 4. С. 15–40.
30. Уразаев М.Д. Обзор основных методов лексической типологии // Современные лингвистические парадигмы: традиции и новации / отв. ред. О.П. Касымова. Уфа, 2020. С. 288–295.
31. Zimmerling A., Lyutikova E. Constructions and linguistic typology // Typology of Morphosyntactic Parameters. 2023. Vol. 6, № 2. P. 13–30.
32. Mashkaryova E., Ahramovich M. Developing intercultural awareness in foreign language teaching // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2019. Т. 1, № 4 (12). С. 30–35.

33. Поздняков М.Н., Зимин А.В. Лингвокультурологический подход при подготовке студентов направления «история» в высшей школе // Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста : материалы XVII Международной научно-практической Internet-конференции / отв. ред. Л.Н. Макарова. Тамбов, 2021. С. 85–91.
34. Зверев А.Г. Лингвистические универсалии в тексте закона (на примере английского, французского и русского языков) // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5, № 3 (19). С. 66–83.
35. Матвеева Т.И. К проблеме методологии юрислингвистической экспертизы: атрибуция стилистической принадлежности и жанровой разновидности как помощь при выборе методов исследования конфликтного текста // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2014. № 5 (73). С. 158–164.
36. Бесемерес М. Разные языки, разные эмоции?: Взгляд через призму автобиографической литературы // Жанры речи. Саратов, 2009. Вып. 6: Жанр и язык. С. 208–230.
37. Богданова Л.И. Оценки и ценности в зеркале словарей русского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 4. С. 729–748.
38. Желнов В.М. Семантический универсализм и культурный релятивизм: к проблеме онтологии языка // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2016. № 5. С. 39–44.
39. Блох М.Я., Симонов К.И. Тематический аспект диктемы в свете теории естественного семантического метаязыка // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 8. С. 189–199.
40. Егидес А.П. Лабиринты общения: как научиться ладить с людьми. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. 368 с.
41. Апресян Ю.Д. О творчестве Анны Вежбицкой // Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты / сост. А. Д. Кошелев. М., 2011. С. 10–14.
42. Серю П. Оксюморон или недопонимание?: Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 30–40.
43. Pavlova A.N., Bezrodnyi M.V. How to catch a unicorn? The image of the Russian language from Lomonosov to Wierzbicka // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 32. P. 71–95.
44. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация в русской национально-речевой культуре // Russian Journal of Linguistics. 2018. Т. 22, № 4: Культурная семантика и прагматика: к юбилею Анны Вежбицкой. С. 919–944. doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-4-919-944
45. Дементьев В.В. Концепция косвенности А. Вежбицкой и изучение косвенных речевых жанров в разных культурах // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. Г.Н. Манаенко. Ставрополь, 2019. Вып. 17. С. 32–63.
46. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком, 2013. 338 с. (Studia philologica).
47. Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. Urbana : University of Illinois Press, 1949. 125 p.
48. Дементьев В.В. Основы теории непрямой коммуникации : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2001. 428 с.
49. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. NY., 1975. Vol. 3. 200 p.
50. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford ; Cambridge : Blackwell, 1994. 470 p.
51. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.
52. Соломоник А. Семиотика и лингвистика. М. : Молодая гвардия, 1995. 352 с.
53. Wierzbicka A. Human emotions: universal or culture-specific? // American anthropologist. 1986. Vol. 88, № 3. P. 584–594.
54. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. 448 с.

References

1. Wierzbicka, A. (1983) Vvedeniye k knige "Semanticheskiye primitivy" [Introduction to the book "Semantic Primitives"]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow: Raduga. pp. 225–252.
2. Wierzbicka, A. (1985) Rechevyye akty [Speech acts]. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Issue. 16. Moscow: Progress. pp. 251–275.
3. Wierzbicka, A. (1990) Kul'turno-obuslovlennyye stsenarii i ikh kognitivnyy status [Culturally conditioned scenarios and their cognitive status]. In: Frumkina, R.M. (ed.) *Yazyk i struktura znaniya. Otv.red. P.M. Frumkina* [Language and structure of knowledge]. Moscow: Institute of Linguistics of the USSR Academy of Sciences. pp. 45–73.
4. Wierzbicka A. (1996) *Yazyk. Kultura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow.
5. Wierzbicka, A. (1997) Rechevyye zhanry [Speech genres]. In: Goldin, V.E. (ed.) *Zhanry rechi* [Speech genres]. Is. 1. Saratov. pp. 99–111.
6. Wierzbicka, A. (1999) *Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov* [Semantic Universals and description languages]. Moscow.
7. Wierzbicka, A. (1999) Kul'turno-obuslovlennyye stsenarii: novyy podkhod k izucheniyu mezhkul'turnoy kommunikatsii [Culturally conditioned scenarios: a new approach to the study of intercultural communication]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Issue 2 Saratov: Kolledzh. pp. 112–133.
8. Wierzbicka, A. (2001) *Ponimaniye kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding cultures through key words]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
9. Wierzbicka, A. (2001) *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of cultures through the medium of language and pragmatics]. Moscow.
10. Wierzbicka, A. (2002) Russkiye kul'turnyye skripty i ikh otrazheniye v yazyke [Russian cultural scripts and their reflection in the language]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2 (4). pp. 6–34.
11. Wierzbicka, A. (2003) Kul'turnaya obuslovlennost' kategoriy "pryamota" vs. "nepryamota" [Cultural conditionality of the categories of "directness" vs. "indirectness"]. In: *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya* [Direct and indirect communication]. Saratov: Kolledzh. pp. 136–159.
12. Wierzbicka, A. (2005) Universal'nyye semanticheskiye primitivy kak klyuch k leksicheskoy semantike (sfera emotsiy) [Universal semantic primitives as a key to lexical semantics (sphere of emotions)]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Issue 4. Saratov: Nauka. pp. 156–182.
13. Wierzbicka, A., Goddard, K. (2002) Diskurs i kul'tura [Discourse and Culture]. In: *Zhanry rechi* [Speech genres]. Iss. 3. Saratov: Kolledzh. pp. 118–156.
14. Wierzbicka, A. (1969) Dociekania semantyczne (rozdział "Problemy ekspresji. Ich miejsce w teorii semantycznej". *Z Dziejów Form Artystycznych w Literaturze Polskiej*. T. XVII. Wrocław – Warszawa – Kraków. S. 33–61.
15. Wierzbicka, A. (1972) *Semantic primitives*. Frankfurt/M.: Athenäum-Verl.
16. Wierzbicka, A. (1991) *Cross-Cultural Pragmatics: The semantics of human interaction*. Berlin: Mouton de Gruyter, Incorporated.
17. Wierzbicka, A. (1987) *English Speech Act Verbs: A semantic dictionary*. Sydney: Academic Press.
18. Wierzbicka, A. (2005) In defense of 'culture'. *Theory and Psychology. Special issue on 'culture' edited by H.J. Stam*. 15 (4). pp. 575–597.
19. Apresyan, Yu. D. (2011) O tvorchestve Anny Wierzbickoy [On the works of Anna Wierzbicka]. In: Wierzbicka, A. *Semanticheskiye universalii i bazisnyye kontsepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 10–14.
20. Shmelev, A.D. (2001) Mogut li slova yazyka byt' klyuchom k ponimaniyu kul'tury? [Can Words of Language Be the Key to Understanding Culture?]. In: Wierzbicka, A.

Sopostavleniye kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki [Comparison of Cultures through Lexicon and Pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 7–11.

21. Shmelev, A.D. (2001) Vzaimodeystviye yazyka i kul'tury: ot slovarya do yazykovogo oblika moral'no-religioznoy propovedi [Interaction of Language and Culture: From Dictionary to the Linguistic Image of Moral and Religious Sermons]. In: Wierzbicka, A. *Sopostavleniye kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of Cultures through Lexicon and Pragmatics]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. pp. 9–13.

22. Bartmiński, J. (2018) In the Circle of Inspiration of Anna Wierzbicka: The Cognitive Definition – 30 Years Later. *Russian Journal of Linguistics*. 22 (4). pp. 749-769.

23. Zaluzniak, Anna A. (2018) The Catalogue of Semantic Shifts: 20 Years Later. *Russian Journal of Linguistics*. 22 (4). pp. 770–787.

24. Gladkova, A.N., Larina, T.V. (2018) Anna Wierzbicka, Words and the World. *Russian Journal of Linguistics*. No. 22 (3). pp. 499-520.

25. Mel'čuk, I.A. (2018) Anna Wierzbicka, Semantic Decomposition, and the Meaning-Text Approach. *Russian Journal of Linguistics*. 22 (3). pp. 521-538.

26. Ionova, S.V. & Shakhovskiy, V.I. (2018) Prospektiya lingvokul'turologicheskoy teorii emotsiy Anny Wierzbickoy [Prospection of the linguocultural theory of emotions by Anna Wierzbicka]. *Russian Journal of Linguistics*. 22 (4). pp. 966–987.

27. Lobkovskaya, L.P. (2012) Problema poiska universal'nogo semanticheskogo metayazyka [The Problem of Searching for a Universal Semantic Metalanguage]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 3 (105). pp. 129–132.

28. Ryabova, M.Yu. (2010) Natsional'nyy yazyk i kul'tura kak ob'yekty lingvokul'turologii [National language and culture as objects of linguocultural studies]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2. pp. 197–205.

29. Koshelev, A.D. (2008) Ob osnovnykh paradigmatkakh izucheniya yestestvennogo yazyka v svete sovremennykh dannykh kognitivnoy psikhologii [On the main paradigms of studying natural language in light of modern data of cognitive psychology]. *Voprosy yazykoznaviya*. 4. pp. 15–40.

30. Urazaev, M.D. (2020) Obzor osnovnykh metodov leksicheskoy tipologii [Review of the main methods of lexical typology]. In: Kasymova, O.P. (ed.) *Sovremennyye lingvisticheskiye paradigmy: traditsii i novatsii* [Modern linguistic paradigms: traditions and innovations]. Ufa. pp. 288–295.

31. Zimmerling, A., Lyutikova, E. (2023) Constructions and linguistic typology. *Typology of Morphosyntactic Parameters*. 6 (2). pp. 13–30.

32. Mashkaryova, E., Ahramovich, M. (2019) Developing intercultural awareness in foreign language teaching [Developing Intercultural Awareness in Foreign Language Teaching]. *Lingvokul'turnoye obrazovaniye v sisteme vuzovskoy podgotovki spetsialista*. 1: 4 (12). pp. 30–35.

33. Pozdnyakov, M.N. & Zimin, A.V. (2021) [Linguocultural approach in training students majoring in history in higher education]. *Lichnostnoye i professional'noye razvitiye budushchego spetsialista* [Personal and professional development of the future specialist]. Proceedings of the XVII International scientific and practical Internet conference. Tambov. pp. 85–91. (In Russian).

34. Zverev, A.G. (2019) Lingvisticheskiye universalii v tekste zakona (na primere angliyskogo, frantsuzskogo i russkogo yazykov) [Linguistic universals in the text of the law (on the example of English, French and Russian languages)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates*. 5:3 (19). pp. 66–83.

35. Matveeva, T.I. (2014) K probleme metodologii yurilingvisticheskoy ekspertizy: atributsiya stilisticheskoy prinadlezhnosti i zhanrovoy raznovidnosti kak pomoshch' pri vybore metodov issledovaniya konfliktnogo teksta [On the problem of methodology of legal linguistic

examination: attribution of stylistic affiliation and genre variety as an aid in choosing methods for studying a conflict text]. *Vestnik VEGU*. 5 (73). pp. 158–164.

36. Besemer, M. (2009) Raznyye yazyki, raznyye emotsii? Vzglyad cherez prizmu avtobiograficheskoy literatury [Different Languages, Different Emotions? Perspectives from autobiographical literature]. In: Demytyev, V.V. (ed.) *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres]. Issue 6. Saratov: Nauka. pp. 208–230.

37. Bogdanova, L.I. (2017) Otsenki i tsennosti v zerkale slovarey russkogo yazyka [Assessments and Values in the Mirror of Russian Language Dictionaries]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*. 21 (4). pp. 729–748.

38. Zhelnov, V.M. (2016) Semanticheskii universalizm i kul'turnyy relyativizm: k probleme ontologii yazyka [Semantic universalism and cultural relativism: on the problem of language ontology]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya*. 5. pp. 39–44.

39. Blokh, M.Ya., Simonov, K.I. (2014) Tematicheskii aspekt diktemy v svete teorii yestestvennogo semanticheskogo metazyky [Thematic aspect of dicteme in light of the theory of natural semantic metalanguage]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 8. pp. 189–199.

40. Yegides, A.P. (2002) *Labirinty obshcheniya: kak nauchit'sya ladit' s lyud'mi* [Labyrinths of communication: how to learn to get along with people]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.

41. Apresyan, Yu. D. (1994) O yazyke tolkovaniy i semanticheskikh primitivakh [On the language of interpretations and semantic primitives]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 53 (4). pp. 27–40.

42. Sériot, P. (2011) Oksymoron ili nedoponimaniye? Universalistskiy relyativizm universal'nogo yestestvennogo semanticheskogo metazyky Anny Wierzbickoy [Oxymoron or Misunderstanding? Universalist Relativism of Anna Wierzbicka's Universal Natural Semantic Metalanguage]. *Politicheskaya lingvistika*. 1 (35). pp. 30–40.

43. Pavlova, A.N., Bezrodnyi, M.V. (2010) How to catch a unicorn? The image of the Russian language from Lomonosov to Wierzbicka. *Toronto Slavic Quarterly*. 32. pp. 71–95.

44. Demytyev, V.V. (2018) Indirect Communication in the Russian Speech Culture. *Russian Journal of Linguistics*. 22 (4). pp. 919–944.

45. Demytyev, V.V. (2019) Kontseptsiya kosvennosti A. Wierzbickoy i izucheniye kosvennykh rechevykh zhanrov v raznykh kul'turakh [The concept of indirectness of A. Wierzbicka and the study of indirect speech genres in different cultures]. In: Manaenko, G.N. (ed.) *Yazyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyy al'manakh Stavropol'skogo otdeleniya RALK* [Language. Text. Discourse: Scientific almanac of the Stavropol branch of RALK]. Issue 17. Stavropol: SKFU. pp. 32–63.

46. Demytyev, V.V. (2013) *Kommunikativnye tsennosti russkoj kul'tury. Kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of the Russian Culture. Category of Personality in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow.

47. Shannon, C., Weaver, W. (1949) *The Mathematical Theory of Communication*. Urbana: University of Illinois Press.

48. Demytyev, V.V. (2001) *Osnovy teorii nepryamoj kommunikatsii* [Fundamentals of the theory of indirect communication]. Philology Dr. Diss. Saratov.

49. Grice, H.P. (1975) Logic and conversation. In: Cole, P. & Morgan, J. (eds) *Syntax and Semantics*. Vol. 3. Speech Acts. NY., etc.

50. Schiffrin, D. (1994) *Approaches to Discourse*. Oxford; Cambridge: Blackwell.

51. Makarov, M. L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of Discourse Theory]. Moscow: Gnozis.

52. Solomonik, A. (1995) *Semiotika i lingvistika* [Semiotics and Linguistics]. Moscow: Molodaya Gvardiya.

53. Wierzbicka, A. (1986) Human emotions: universal or culture-specific? *American anthropologist*. 88 (3). pp. 584–594.

54. Benveniste, É. (1974) *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress.

Информация об авторе:

Дементьев В.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: dementevvv@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Dementyev, Dr. Sci. (Philology), professor, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: dementevvv@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.08.2024;
одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 26.03.2025.*

*The article was submitted 08.08.2024;
approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 26.03.2025.*